ПОКОЙ ИМ ТОЛЬКО СНИТСЯ

Леопольд Ященко: «У нас верховодил Вячеслав Чорновил, при встрече всегда говоривший: «Слава Україні!»

Ольга УНГУРЯН, «ФАКТЫ»

29.01.2014

45 лет назад был создан народный хор «Гомін», который первым в Киеве публично исполнил национальный Гимн

Петь хором «Ще не вмерла України і слава, і воля» сейчас, слава Богу, не возбраняется. Но не так уж давно за исполнение этой песни можно было получить тюремный срок. В советское время нынешний государственный Гимн Украины был запрещен.

Первым в Киеве отважился публично спеть «Ще не вмерла…» народный этнографический хор «Гомін». Произошло это на учредительном съезде Народного Руха Украины 10 сентября 1989 года. В ту пору, в конце 1980-х, фотокорреспондент журнала «Огонек» запечатлел в киевском метро уникального пассажира: в час пик в до отказа заполненном вагоне он самозабвенно играл на сопилке. Этот необычный человек — руководитель хора «Гомін» Леопольд Ященко. Музыковед-фольклорист и композитор, удостоенный Шевченковской премии и премии имени Павла Чубинского (автора слов Гимна Украины).

Но официальному признанию его заслуг перед национальной культурой предшествовали годы гонений. Ященко был уволен с работы, исключен из Союза композиторов Украины, а созданный им хор ликвидировали как «националистический». Вопреки всему он продолжал создавать свои произведения. Случалось, прямо на улице или в транспорте наигрывал мелодию на сопилке, порою служившей ему и дирижерской палочкой.

Сегодня Леопольд Иванович Ященко, отметивший 85-летие, руководит возрожденным хором «Гомін». В нынешнем году у коллектива юбилей — 45 лет со дня создания. Перед очередной репетицией мы и встретились.

«Стоя на Владимирской улице возле здания КГБ, мы громко запели, надеясь, что нас услышит арестованный Иван Свитлычный»

В музее Ивана Гончара, куда часто приходят на распевку участники хора, хранятся шедевры украинского народного искусства. Собирал их известный художник, скульптор и ценитель старины Иван Макарович Гончар. Богатейшая коллекция хранилась тогда в его доме, находящемся неподалеку от нынешнего музея.

— Помню, когда впервые попал в дом Ивана Гончара, был поражен, — рассказывает **Леопольд Ященко**. — На стенах комнат — старинные украинские иконы, увитые рушниками, и портреты гетманов, казацкие сабли, пистоли… Аж дух захватывало! У Ивана Макаровича мы не раз встречали при свечах Новый год и Рождество.

— В этом доме в 60-е годы собирались молодежные ватаги колядников?

— Да. Только с новогодними обрядами все складывалось непросто. В 1960 году ЦК Компартии Украины «благословил» новогоднюю коляду с использованием народных песен. Но они должны были звучать на новый лад, без «религиозных пережитков», и прославлять советского человека — строителя коммунизма. Никаких упоминаний о Деве Марии и Иисусе Христе. Вместо «Син Божий…» следовало петь «Рік новий народився». Культработники сочиняли персональные стихотворные приветствия бригадирам колхозов, звеньевым… Впрочем, фантазия сочинителей вскоре иссякла, и этот новосоветский обряд не прижился.

Тем временем молодежь из киевских вузов взялась за возрождение подлинного народного обряда, колядок и щедривок. Ватаги колядников формировались и у Ивана Гончара, и в клубе творческой молодежи «Сучасник». Молодые художники готовили к празднику костюмы и маски. Была уже у нас и Рождественская звезда. Я помогал с репертуаром. Кроме фольклорных сборников имел и сотни записанных с голоса народных песен, прежде нигде не публиковавшихся

После репетиций мы отправлялись к известным артистам, композиторам, писателям, художникам. «Добрий вечір! Дозвольте поколядувати», — обращались к хозяевам с порога.

— И как они реагировали на ваше появление?

— Однажды был курьезный случай. Солист Киевской оперы Михаил Гришко стоял, перепуганный, в дверях и с опаской допытывался: «А кто вас сюда прислал?» Ну, а обычно колядников встречали с радостью. Очень любил нас слушать знаменитый певец Борис Гмыря (кстати, в нашу ватагу поначалу входили Мария Стефьюк и Диана Петринченко — солистки оперы). В писательском доме на тогдашней улице Ленина (ныне Богдана Хмельницкого) радушно принимали Борис Антоненко-Давидович, Микола Лукаш, Олесь Гончар, Микола Бажан… Помню, Бажан даже вывел к нам своего старенького отца, жившего у него, чтобы порадовать настоящей колядой.

А Борис Дмитриевич Антоненко-Давидович, отсидевший в свое время в сталинских лагерях, когда мы приходили, ставил пластинку с песней «Вічний революціонер». Если кто-то подслушивает — попробуй прицепись! Однажды, январской ночью 1966 года, идя к Антоненко-Давидовичу, наша ватага по пути сделала остановку на улице Владимирской. Нашим ватажком — «березою» был молодой Вячеслав Чорновил, при каждой встрече говоривший: «Слава Україні!» По тем временам это звучало несусветно. И вот, стоя на Владимирской улице возле здания КГБ, мы громко запели коляду.

— Почему именно в этом месте?

— Дело в том, что в Украине прошла волна арестов. Под следствием был и писатель Иван Свитлычный, его держали во внутренней тюрьме КГБ. И мы подумали: а вдруг он сейчас находится на допросе и услышит наши голоса? Но, как потом выяснилось, Свитлычного к тому времени вывезли в другое место.

«Первое импровизированное выступление нашего коллектива состоялось в 1969 году на том месте, где сейчас Певческое поле»

В апреле 1968-го 139 человек — представителей творческой и научно-технической интеллигенции — подписали письмо в ЦК КПСС с протестом против закрытых судебных процессов в Москве, Ленинграде и Киеве (в Украине к тому времени были осуждены Вячеслав Чорновил, ученый-филолог Святослав Караванский и другие). Свою подпись под письмом поставили старший научный сотрудник Института искусствоведения, фольклора и этнографии имени М. Рыльского Академии наук УССР Леопольд Ященко и его жена Лидия Орел (известный ныне этнограф). Расправа над «подписантами» была быстрой: их увольняли с работы, исключали из партии…

— На собрании, перед тем как меня уволили, я объяснял, почему поставил подпись под письмом, — вспоминает Леопольд Иванович. — Зачитал выдержку из Конституции — суд в Советском Союзе открытый, и исключений не предусмотрено. Но Конституция для них не имела значения.

Не имело значения и то, что таких, как Ященко, специалистов в области песенного фольклора в Украине насчитывались единицы. В академический институт он пришел после консерватории. Блестяще защитил диссертацию на тему «Українське багатоголосся», выпустил несколько книг. Из фольклорных экспедиций привез сотни уникальных записей народных песен. Работал над сборником украинских баллад.

— Но что примечательно: мне оставляли шанс, если выступлю публично и покаюсь, — продолжает Леопольд Ященко. — Однажды в институт (он находился на нынешней улице Грушевского) явился сотрудник органов госбезопасности и вызвал меня на разговор. На лавочке в парке, под аркой Дружбы народов, он завел речь, что был против моего увольнения. И, десиать, я мог бы ему помочь — написать покаянную статью о том, как диссиденты вредят внедрению народных обычаев. Он статью почитает, кое-что подправит, а меня потом восстановят на работе.

— И вы не воспользовались шансом?

— Нет. Решил не отступать. Иначе стыдно было бы и перед людьми, и перед самим собой. Так что с научной работой пришлось распрощаться. Вместе со знакомыми хлопцами-"инакодумцями", еще раньше уволенными из института, занялись… поставкой кирпича. В то время на Подоле целыми кварталами сносили старые дома. Мы разбирали завалы, чистили кирпичи и аккуратно выкладывали у дороги. Люди покупали — на постройку погреба и другие хозяйственные нужды. Нередко, правда, часть кирпича забирала себе милиция. Работал с приятелями и на строительстве сельского клуба… Но творческих планов у меня было много.

— А потом появился хор «Гомін».

— Знаете, что интересно: наше первое импровизированное выступление в апреле 1969 года состоялось как раз на том месте, где сейчас Певческое поле. Нам приглянулась эта поляна на склонах Днепра неподалеку от церкви. Собралась в основном молодежь, участники рождественских ватаг. А в тот день была Пасха, и сам Бог велел разучивать веснянки, водить хоровод — «кривий танець». Решили, что впредь будем выступать одним коллективом (название у хора появилось чуть позже).

Ко дню Ивана Купала готовились уже основательно. Подобрали купальские песни и устроили Купальский праздник на Трухановом острове. Впервые в Киеве. Сама природа наша располагает к возрождению этой традиции: можно пускать по днепровской воде венки из ивовых, а не искусственных, цветов и прыгать через настоящий, а не бутафорский, костер. Вообще, народный праздник — это не концерт на сцене (где лишь имитируются обычаи), а массовое демократическое действо, в котором могут участвовать все желающие. И людям это понравилось. Вскоре каждое выступление хора «Гомін» под открытым небом уже проходило «под аншламенамен» публики.

А вот руководящим органам популярность народного хора не нравилась. В Союзе композиторов Леопольда Ященко начали упрекать, что он «увлекается архаикой», не включает в репертуар «современные» — то есть советские — песни. За домом Ивана Гончара (уже исключенного из партии) установили слежку, фиксируя приходивших сюда участников хора. Среди них были и юная Нина Матвиенко, и молодая художница Алла Горская со своей подругой Надией Свитлычной…

Самое же большое негодование властей вызывали «несанкционированные» выступления участников хора «Гомін» у памятника Тарасу Шевченко 22 мая — в день перезахоронения поэта в Украине.

— Между прочим, в 1961 и 1964 годах по случаю этой даты проходили официальные митинги, на них выступал Щербицкий, — рассказывает Леопольд Иванович. — И до того, как 22 мая стало «националистической» датой, власти проводили в этот день фестиваль «Киевская весна». Возле памятника в Шевченковском парке сооружали деревянный помост и ставили машины с громкоговорителями. Люди слушали выступления известных поэтов и государственных коллективов. Но как только официальный концерт заканчивался, стихийно начинаялось «второе отделение». И уже сам народ пел «Заповіт», «Думи мої», а молодые поэты читали стихи. Люди не расходились до часу ночи. Власть отменила «Киевскую весну», но народ все равно собирался у памятника. И тогда подключили милицию: она врезалась в толпу, силой вытесняя людей из парка…

На похоронах Аллы Горской, вылившихся в стихийную акцию протеста, пел хор «Гомін». Ященко не внял предупреждениям о «нецелесообразности такого выступления». Вскоре участников хора (в него входило тогда около 160 любителей народной песни, среди них — рабочие, учителя, врачи, ученые) начали притеснять. Одних увольняли с работы, других грозили увольнением на «беседах» в парткоме и КГБ. Когда молодой рабочий завода имени Артема заметил, что хор «Гомін» не запрещен, ему ответили: «У нас религия тоже не запрещена, а мы с ней боремся». И добавили: «Имейте в виду, уголовные преступники могут выйти раньше срока, а политические сидят до конца».

«Меня арестовали за „тунеядство". В камере сидел с воришками, алкоголиками, бродягами»

Шантажом и угрозами хор фактически разогнали. А в сентябре 1971-го Ященко исключили из Союза композиторов Украины за «антиобщественное поведение». До «зачистки» украинской интеллигенции оставались считанные месяцы. 12 января 1972-го начались массовые аресты с последующей отправкой в лагеря — на «малую зону». В «большой зоне» люди, неугодные режиму, формально оставались на свободе, но их лишали средств к существованию и делали жизнь невыносимой.

— Первого января 1972 года молодежь по традиции собралась у городской елки на площади Ленинского комсомола (нынешней Европейской), — вспоминает Леопольд Ященко. — Пели: «Радуйся, земле…» А дальше: «Рік новий (а не „Син Божий") народився». Но это их не спасло. Милиция окружила колядников, подогнала «воронок», и нескольких человек арестовала на 15 суток за «хулиганство». Хлопцев постригли наголо и дали лопаты в руки.

— Вам ведь тоже довелось побывать в СИЗО?

— Да. За «тунеядство». После исключения из Союза композиторов я формально уже не находился на творческой работе. И меня держали на крючке, вызывали на допросы, проводили обыски. Каменщиком на стройку устроиться смог не сразу — мешали диплом, научные регалии. Тут меня и арестовали…

В подвале СИЗО было зарешеченное окно наверху, и я понял, где нахожусь — в городделе милиции на нынешней Михайловской площади. В камере сидел с воришками, алкоголиками, бродягами.

— Слышала, что на свидании вы попросили жену принести вам нотную бумагу. Это правда?

— Да, я не шутил. В нестандартной ситуации могли быть какие-то творческие прозрения. Но, к сожалению, нотной бумаги не хватило…

**Супруги Леопольд Ященко и Лидия Орел вместе уже более полувека. 1960 год*

Из камеры Ященко вызволили тогда композиторы Георгий Майборода и Михаил Кречко. А в Союзе композиторов его восстановили уже в 1988 году.

На репетиции хора «Гомін» и ныне приходят несколько участников «первого призыва». В коллективе есть академики и рабочие, учителя и экономисты. В основном уже немолодые люди. И в непогоду им все труднее добираться к очередному месту встречи (у хора до сих пор нет стационарного помещения для репетиций). Но вот появляется Ященко — седоусый, худенький (в чем только душа держится!), в неизменной вышиванке и кепарике. Обводя всех небесно-голубым взглядом, говорит: «Якби не ви, я б не прийшов!» «І ми би не прийшли, якби не ви», — признаются ему участники хора.

«Гомін», как и прежде, выступает в знаковые для Украины дни. Нынешней зимой участники хора пели на Крещатике, на «артплощадке» у киевской мэрии. В их репертуаре по-прежнему много песен на слова Шевченко. И мороз идет по коже, когда слышишь: «Ой, чого ти почорніло, зелене поле? Почорніло я од крові за вольную волю…»

**Леопольду Ященко (справа) удалось возродить свой коллектив после многолетних преследований. 1986 год*

Фото в заголовке mydim.ua

© 1997—2014 «Факты и комментарии»
Все права на материалы сайта охраняются в соответствии с законодательством Украины
Условия ограниченного использования материалов